

ЕКАТЕРИНОСЛАВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

15-го Апрѣля № 8. 1885 года.

ОТДѢЛЪ НЕОФИЦІАЛЬНЫЙ.

Празднованіе въ г. Екатеринославѣ дня тысячелѣтія блаженной кончины св. Меѳодія, архіепископа Моравскаго, первоучителя Славянъ.

День всенароднаго, всеславянскаго торжества—блаженной кончины первоучителя Славянъ, святаго Меѳодія, архіепископа Моравскаго,—отпразднованъ въ г. Екатеринославѣ торжественнымъ образомъ. Согласно распоряженію Высшаго Начальства, наканунѣ дня тысячелѣтія, т. е. 5 апрѣля, во всѣхъ церквахъ г. Екатеринослава, приходскихъ и домовыхъ, совершены были соборне всеобщія бдѣнія. Въ самый день празденства, по сигналу съ соборной колокольни, во всѣхъ градскихъ церквахъ началась Божественная литургія—насталъ день торжества. Еще за два дня до праздника сдѣлано было распоряженіе о совершенномъ прекращеніи 6 апрѣля какою-бы то ни было торговли: всѣ магазины и торговыя лавки были закрыты. Толпы народа массами спѣшили въ церкви. Литургіи въ церквахъ совершаемы были съ такимъ расчетомъ, чтобы окончаніе ихъ, прочтеніе посланія Святѣйшаго Синода и молебна св. просвѣтителямъ Славянъ Кириллу и Меѳодію совпало со временемъ половина одинадцатаго часа дня. По окончаніи богослуженія учащіяся,

по выслушаніи актовъ въ своихъ учебныхъ заведеніяхъ, должны были собраться на соборной площади, гдѣ имѣлъ быть совершень всенарадной молебень. Въ семинарской церкви литургія началась въ 6 часовъ утра, по окончаніи которой въ залу Семинаріи собрались учащіе, учащіеся какъ Семинаріи тамъ и мужскаго духовнаго училища, гдѣ совершился актъ и произнесены были рѣчи преподавателями Корольковымъ и Сахаровымъ. Передъ началомъ первой рѣчи воспитанниками пропѣтъ былъ тропарь святымъ просвѣтителямъ Славянь, а предъ второй гимнь свв. Кириллу и Меодію.

По окончаніи богослуженія въ приходскихъ церквахъ, настоятели градскихъ церквей: Тихвинскаго женскаго монастыря, Покровской, Кладбищной—Воскресенской, Тюремнаго замка, Арестанскихъ ротъ, Троицкой и Успенской, при звукѣ колоколовъ, съ хоругвями и особо чтимыми иконами, въ сопровожденіи многочисленной толпы народа, собрались въ центрѣ города, откуда шествіе направилось по главной улицѣ, ведущей къ Кафедральному собору. Впереди шествія были несены хоругви и иконы, за ними шли пѣвчіе всѣхъ церквей, соединившись во одну группу по четыре въ рядъ, за пѣвчими слѣдовало духовенство по старшинству по два въ рядъ, а за духовенствомъ публика. По приближеніи процессіи къ зданію Семинаріи, находящемуся на главной улицѣ, воспитанники Семинаріи примкнули къ процессіи, занявъ мѣсто между хоругвями и пѣвчими, по четыре въ рядъ. На пути къ процессіи примкнули и воспитанники мужскаго духовнаго училища, шествуя впереди воспитанниковъ семинаріи также по четыре въ рядъ. Въ такомъ видѣ процессія достигла соборной площади, гдѣ было устроено особое возвышеніе, на которомъ имѣлъ быть отслужень молебень. По прибытіи къ эстрадѣ крестныхъ ходовъ, ду-

ховенство вошло въ соборъ, а хоругви, иконы и многочисленная масса народа осталась возлѣ эстрады, вблизи которой были размѣщенны, въ формѣ каре, учащіеся въ учебныхъ заведеніяхъ съ своими начальствующими. Въ это же время тудаже прибыли крестные ходы изъ церквей: Крестовой Архіерейскаго дома, Богоугоднаго заведенія и Кладбищной-Севастопольской.

Около 12 часовъ окончилась литургія въ Кафедральномъ соборѣ, которая совершена была соборнымъ причтомъ, въ предстоятельствѣ Кафедральнаго протоіерея, при пѣніи хоромъ: архіерейскаго и духовныхъ учебныхъ заведеній, исполнившихъ нѣкоторыя церковныя пѣснопѣнія совмѣстно. Во время причасна произнесено было слово о значеніи праздника св. просвѣтителемъ Славянъ. По окончаніи литургіи Ключаремъ собора было прочитано „пастырское посланіе Святѣйшаго Правительствующаго Синода къ возлюбленному о Господѣ чадамъ святыя, соборныя и Апостольскія Церкви Россійскія“, и затѣмъ все городское духовенство, при колокольномъ звонѣ, и въ предношеніи хоругвей соборныхъ, чтимыхъ иконъ, и иконы св. Кирилла и Меѳодія общемою процессіей направилось на соборную площадь, къ эстрадѣ, проходя мѣстности, обставленныя шпалерами мѣстныхъ войскъ до самаго мѣста молебствія. По прибытіи процессіи къ мѣсту, назначенному для совершенія молебствія св. просвѣтителемъ Славянъ—Кириллу и Меѳодію, духовенство и пѣвчіе съ представителями гражданской и военной властей помѣстились на эстрадѣ, а вблизи возвышенія расположены были воспитанники и воспитанницы всѣхъ учебныхъ заведеній. Передъ началомъ молебна о. Ключарь собора прочелъ вслухъ всего народа пастырское посланіе Святѣйшаго Синода. Во время молебствія, послѣ прочтенія Евангелія, пѣвчіе (болѣе ста человекъ) изъ архи-

рейскаго хора, семинарскаго, соборнаго и всѣхъ учебныхъ мужскихъ и женскихъ заведеній г. Еватеринослава пропѣли стихиру св. Кириллу и Меѳодіа по кантатѣ, составленной Малашкинымъ и изданной Кіевской духовной Семинаріей, а по окончанія молебствія исполнено было двухорное: „Тебе Бога хвалимъ“. По возглашеніи многолѣтія Государю Императору, Царствующему Дому, Святѣйшему Правительствующему Синоду, правительствующему Синклиту и всѣмъ православнымъ христіанамъ хоругви и народъ были окроплены святою водою и затѣмъ крестныя ходы, сопровождаемые безчисленной массой народа, при общемъ колокольномъ звонѣ, возвратились каждый къ своему храму. Въ продолженія дня совершался колокольный звонъ; дома жителей города украшены были флагами, а вечеромъ въ зданіи бесплатной женской школы предложены были народу чтенія о жизни и дѣятельности просвѣтителей Славянъ, св. Кирилла и Меѳодіа.

Значеніе просвѣтительной дѣятельности св. равноапостольнаго Меѳодіа, первоучителя славянскаго *).

Въ 885-мъ году, апрѣля 6-го числа, которое тогда приходилось на вторникъ страстной седмицы,¹⁾ едва занялась заря-предвѣстница грядущей побѣды дневнаго свѣта надъ мракомъ ночи, въ неизвѣстномъ для нашего времени (въ настоящее время эта бывшая столица Морав. госуд. извѣстна подъ именемъ Градишты или Городица²⁾ городкѣ Велеградѣ, бывшемъ тогда столицей Моравскаго государства, мирно почилъ на рукахъ своихъ учениковъ великій пропо-

*) Рѣчь, произнесенная на актѣ въ Еватеринославской духовной семинаріи 6-го апрѣля, 1885 года.

¹⁾ Ср. Кочубинскаго. Тысячелѣтіе слав. самосози. Историч. Вѣсти. 1885 г. мартъ 7 стр. 615 и Пастырское посланіе св. Синода.

²⁾ Ср. Дух. Вѣсти. 1862 г. т. 2, стр. 611, прим. 55.

вѣдникъ свѣта истины евангельской, второй просвѣтитель и учитель славянъ св. Меѳодій, носившій титулъ архіепископа Мораво-Паннонскаго. Такимъ образомъ нынѣ исполнилась ровно тысяча лѣтъ съ того времени, какъ скончалъ свою многотрудную дѣятельность этотъ „Моравской земли великій гражданинъ“, чествованіе заслугъ котораго, какъ „славы и хвалы всей страны сѣверной“¹⁾, собрало насъ сюда.

И какое странное противорѣчіе! Исторія и опытъ жизни свидѣтельствуютъ, что великіе люди при жизни своей увѣнчиваются достойными ихъ величія знаками общаго къ нимъ вниманія человѣчества, преклоняющагося передъ ихъ заслугами. Мы видимъ, что великіе военные геніи пожинають побѣдныя лавры, великіе дѣятели на поприщѣ науки и искусства пользуются почтеніемъ современниковъ и благодарностію потомства и, какъ двигатели прогресса и служители цивилизаціи, еще при жизни украшаются славою. Мы видимъ, что имена великихъ общественныхъ дѣятелей вызываютъ цѣлыя гимны похвалъ и общаго одобренія, а великіе политическіе дѣятели вмѣстѣ съ любовью современниковъ вызываютъ глубокое удивленіе потомства. Даже великіе герои промышленности и индустріи въ наше, избалованное всевозможными открытіями и изобрѣтеніями, время считаются рѣшителями если не судьбъ, то задачъ человѣчества. Однимъ словомъ, при жизни великимъ людямъ воскуряють фиміамъ похвалъ, при погребеніи осыпають бременемъ вѣнковъ, а послѣ погребенія воздвигаютъ великолѣпные памятники и мавзолеи. На могилы ихъ указываютъ съ почтеніемъ и памятью ихъ гордятся соотечественники, нерѣдко готовые ихъ великія дѣла вмѣнять чуть-ли не въ личную заслугу самимъ себѣ. Совсѣмъ не то представляетъ исторія жизни и подвиговъ того скромнаго дѣлателя нивы Христовой, который

¹⁾ Истор. Вѣст. 7 с. стр. 608.

почти цѣлыхъ три десятилѣтія трудился во славу Христова имени и во благо всего славянскаго міра. Исторія жизни и подвиговъ св. Меѳодія свидѣтельствуетъ, что его дѣятельность вмѣсто одобренія и похвалъ встрѣчала порицаніе и хулу; а онъ самъ вмѣсто величаній подвергался оскорбленіямъ, вмѣсто любви и почтенія испытывалъ непріязнь и гоненіе, вмѣсто удобствъ жизни — холодъ и мракъ сырой баварской тюрьмы; а вмѣсто сочувственнаго содѣйствія — враждебное противодѣйствіе.

Такова мораль исторіи и логика жизненныхъ фактовъ! И невольно закрадывается въ глубину сознанія сомнѣніе въ величій заслугъ св. первоучителя, — невольно думается, что, быть можетъ, ни онъ, ни его равноапостольный братъ не сдѣлали ничего великаго, а представленіе о величій ихъ есть созданіе болѣзненно-настроеннаго воображенія тѣхъ жалкихъ явобы патриотовъ, которые въ своемъ послѣпленіи готовы восторгаться дымомъ своей родины. Не такъ, однако, на самомъ дѣлѣ. Уже самая вражда противъ нихъ при ихъ жизни и противъ ихъ учениковъ послѣ ихъ смерти, — вражда со стороны ревнивыхъ борцовъ за святость принципа, цѣлью оправдывающаго средства, ручается за ихъ величіе. Ничтожество само убиваетъ себя, поэтому на него никто не обращаетъ и вниманія. Если-же дѣло св. апостоловъ славянскихъ вызвало противодѣйствіе, то, значитъ, оно было дѣломъ важнымъ. Если враждебныя силы заставили св. Меѳодія почти три года томиться въ мрачной тюрьмѣ, если исторія его подвиговъ представляетъ картину неуклонной борьбы съ противодѣйствующими силами; то, значитъ, его дѣятельность была серьезна. Если, наконецъ, весь православный русскій міръ и все славянство, даже и инославное, празднуетъ нынѣ исполненіе тысячелѣтія со дня блаженной кончины св. Меѳодія; то несомнѣнно, что неоцѣненныя

надлежащимъ образомъ при жизни этого святаго заслуги его—неоцѣненны, и онъ по справедливости можетъ быть названъ „славою и хвалою всей страны сѣверной“.

Но каково это дѣло, и въ чемъ тѣ заслуги св. Меодія, которыя подвигаютъ нынѣ къ великому и единодушному торжеству весь многоплеменный славянскій міръ и раскинувшуюся на необозримомъ пространствѣ великую Русскую землю?

Исторія свидѣтельствуетъ, что дѣло св. славянскихъ первоучителей, надъ которымъ особенно долго трудился св. Меодій, было великое дѣло распространенія христіанства среди славянскихъ племенъ и утвержденія истинъ христіанскаго вѣроученія и правоученія въ простыхъ сердцахъ представителей этихъ племенъ. И стоитъ только вникнуть въ то значеніе, какое имѣетъ для религіозной и нравственной жизни народовъ фактъ распространенія среди нихъ христіанства, и мы поймемъ, что дѣло св. первоучителей такъ серьезно, а заслуги ихъ такъ велики, что съ ними не могутъ быть и сравниваемы заслуги даже величайшихъ дѣятелей міра сего.

Въ самомъ дѣлѣ, какими послѣдствіями сопровождается распространеніе въ народѣ свѣта истинны евангельской?—Послѣдствіями почти безпримѣрными и ни съ чѣмъ рѣшительно несравнимыми. Оно производитъ рѣшительный переворотъ въ религіозномъ сознаніи и въ религіозной жизни народа. Благодаря ему, первоначальный, исполненный самыхъ разнообразныхъ нелѣпостей, фантастически-таинственный взглядъ на природу, ея силы и проявленія уступаетъ мѣсто тому безусловно истинному воззрѣнію, по которому природа есть чудное созданіе всемогущаго Творца, данное Имъ въ обладаніе человѣку, какъ царю природы и вѣнцу созданія. Благодаря принятію христіанства, на мѣсто испол-

ненныхъ всевозможными бреднями мнѳовъ о какихъ-то неясно сознаваемыхъ фантастическихъ существахъ становится глубоко таинственное и въ тоже время возвышенно чудное ученіе о единомъ истинномъ Богѣ, о Его непостижимыхъ совершенствахъ, о Его безконечномъ милосердіи и любви къ людямъ, дошедшей до того, что Онъ и Сына Своего едиnorodнаго далъ есть, да всякъ вѣрующъ съ онъ, не погибнетъ, но имать животъ вѣчный (Іоан. III, 16),—ученіе о Самомъ Божіемъ Сынѣ, волею Своею сошедшемъ на землю и, ради спасенія людей, зракъ раба приимшемъ и смирившемъ Себя даже до смерти, смерти же крестныя (Филип. II, 7),—ученіе, наконецъ, о Духѣ Святомъ, во имя всеильнаго могущества Божественнаго, вся оживляющемъ, возраждающемъ и, ради безконечныхъ заслугъ Искупителя, непрестанно дѣйствующемъ въ таинствахъ—этихъ высокихъ дарахъ благодати Божественной. Благодаря всему этому, нелѣное почитаніе твари вмѣсто Творца, поклоненіе идоламъ со всѣми чудовищными проявленіями языческаго культа—кровавыми и нерѣдко чедовѣческими жертвами—уступаетъ мѣсто служенію единому истинному Богу въ духѣ и истинѣ. А это такъ важно, что смиренный умъ чедовѣка долженъ съ благоговѣніемъ преклониться предъ величіемъ такого радикальнаго переворота въ развитіи религіознаго сознанія въ частности и въ религіозной жизни народовъ вообще, точно такъ-же, какъ долженъ онъ преклониться и передъ значеніемъ, какое имѣетъ фактъ принятія христіанства для нравственной жизни народовъ. Извѣстно, что языческій культъ, предоставляя полный просторъ чувственности, оправдываетъ самыя безнравственныя проявленія чувственныхъ влеченій и даетъ полный просторъ разгулу страстей. Онъ, дальше, не только оправдываетъ, но и возводитъ въ законъ месть,—месть самую чудовищную,—кровавую месть чуть не до седы-

маго колѣна. Языческій культъ, наконецъ, ставитъ право сильнаго выше всего, а эгоистическіе своекорыстные расчеты считаетъ дѣломъ не только не противузаконнымъ, но вполне естественнымъ. Совсѣмъ не то въ христіанствѣ, требованія котораго діаметрально противоположны требованіямъ язычества. вмѣсто простора чувственности оно предписываетъ воздержаніе, вмѣсто разгула страстей—смирение плоти, вмѣсто злобной мести—любовь къ врагамъ, вмѣсто эгоизма и своекорыстія—заботу объ общемъ благѣ.

Съ такимъ-то возвышеннымъ ученіемъ правды, любви и мира переходятъ св. братья изъ одного славянскаго края въ другой, утверждаютъ вѣру христіанскую во всемъ широкѣмъ славянскомъ мірѣ, и чудная свѣтлая заря новой жизни поднимается надъ всѣмъ славянствомъ! Какъ-же послѣ этого не сказать, что дѣло, принятое на себя св. Кирилломъ и Меѳодіемъ, такъ велико, а заслуга ихъ такъ громадна, что „воистину, за исключеніемъ, быть можетъ, самыхъ первыхъ временъ христіанства, не было въ исторіи Церкви факта болѣе грандіознаго, величаваго, болѣе достойнаго самой сущности христіанства, какъ этотъ великій подвигъ, предпринятый на себя нашими великими первоучителями“¹⁾

На это намъ могутъ сказать, что и прежде св. братьевъ христіанство было распространяемо въ славянскихъ земляхъ. По крайней мѣрѣ, исторія первоначальнаго крещенія сербовъ, хорватовъ, хорутанъ, паннонскихъ и моравскихъ племенъ²⁾ свидѣтельствуетъ, что и прежде св. Кирилла и Меѳодія являлись между славянами миссіонеры римскіе и нѣмецкіе. „Но судьба этихъ миссіонеровъ была жалка: проповѣдникъ построить церковь, поставить священника; но вскорѣ славянская община возстаетъ, поднимаетъ крामолу,

¹⁾ Странникъ. 1885 г. апрѣл. стр. 665.

²⁾ Гильфердингъ, собр. сочин. т. 1. СПБ. 1868 г. стр. 48 и сл.

изгоняетъ священника и возвращается къ родной старинѣ“. И „не языческой фанатизмъ, не слѣпая ненависть къ христіанству руководили каждый разъ возстававшими общинами“¹⁾ нѣтъ,—одной изъ главныхъ причинъ ихъ протестовъ служило то, что западные миссіонеры были не столько глашатаями истины и милости евангельской, сколько безжалостными вымогателями десятины для панскаго престола. Поэтому фактъ распространенія между славянами христіанства западными миссіонерами не только не уменьшаетъ значеніе подвига св. братьевъ—первоучителей, но еще болѣе возвышаетъ его. Онъ свидѣтельствуетъ, что отъ св. Кирилла и Меодія требовалось не одно только „насажденіе самой вѣры,—требовалось нѣчто большее—утвержденіе вѣры, приспособленіе ея къ особенностямъ національной жизни, требовалось внѣдреніе ея въ самыя тайники жизни“. И это-то „дѣло крайне нелегкое, дѣло представлявшее не мало величайшихъ (даже и внѣшнихъ) трудностей блистательно исполнено нашими великими первоучителями“²⁾ Ибо кто не знаетъ того, что утвержденная и распространенная св. Кирилломъ и Меодиємъ и сердечно принятая отъ этихъ учителей славянскимъ народомъ православная вѣра сдѣлалась вѣрою народной, такъ что неизмѣнная вѣрность отеческимъ преданіямъ въ вѣрѣ составила какъ-бы исключительное свойство славянъ и сдѣлала ихъ, по преимуществу, народомъ христіанствующимъ. Даже утративши политическую самостоятельность, цѣлымъ ходомъ своей исторіи вынужденные жить подъ гнетомъ чуждой власти, терпя притѣненія и всевозможныя насилія, многіе изъ нихъ не измѣнили вѣрѣ своихъ отцовъ. Напримѣръ, въ австрійской имперіи (въ Буковинѣ, въ Трансильваніи, въ Венгріи, въ Славоніи и Кроаціи, въ

¹⁾ Истор. Вѣстн. стр. 610.

²⁾ Стран. стр. 665.

Далмаціи и Иллиріи) за исключеніемъ Вѣны число православныхъ славянъ въ недавнее, сравнительно, время доходило почти до трехъ милліоновъ ¹⁾ Равнымъ образомъ, мало христіанъ православныхъ въ Болгаріи и въ другихъ славянскихъ земляхъ. „Были и есть между ними такіе подвижники вѣры, которые чистотою и твердостію исповѣданія своего могутъ напоминать христіанъ въ самомъ цвѣтущемъ состояніи Церкви Христовой. Кто-же эти православные и единоплеменные намъ славяне? Остатокъ Церкви, насажденной св. Кирилломъ и Меѳодіемъ“ ²⁾. Еще живы въ нашей памяти ужасы насилій турецкаго господства надъ славянами, свидѣтельствующіе о томъ, какъ тяжело жило имъ подъ варварскимъ игомъ поклонниковъ ислама. И что-же?—Многіе изъ славянъ были и остаются православными и по вѣрѣ, и по жизни. Не отступая отъ преданій отцовъ въ вѣрѣ, они не отступаютъ отъ этихъ преданій и въ жизни и остаются далекими отъ увлеченій западнымъ просвѣщеніемъ, западнымъ свободомысліемъ и западными нравами. Гдѣ-же причина ихъ непоколебимости? что спасало ихъ и доселѣ спасаетъ отъ гибельныхъ увлеченій?—Ихъ глубокое убѣжденіе въ святости православной религіи и искренняя вѣра въ благодѣтельность того только, что освящается и утверждается ею,—убѣжденіе и вѣра, какъ бы вошедшія въ ихъ плоть и кровь, воспринятія съ молокомъ матери и изъ поколѣнія въ поколѣнія передававшіяся со временъ св. равноапостольныхъ братьевъ. Такимъ образомъ и то, чѣмъ въ настоящее время сильны и чѣмъ могутъ гордиться славяне,—результатъ славныхъ подвиговъ Кирилла и Меѳодія—великихъ проповѣдниковъ правды, милости и любви.

Но являясь проповѣдниками правды, милости и любви, св. братья для утвержденія славянъ въ вѣрѣ, для устроенія

¹⁾ 2.777,153 д. Ср. Духов. Бесѣд. 1859 г. т. V, стр. 34.

²⁾ Рук. для сельск. пастыр. 1867 г. т. I. стр. 551.

христіанскаго Богослуженія должны были позаботиться о томъ, чтобы истины вѣры и нравственности христіанской передать языкомъ роднымъ, а Богослуженіе сдѣлать понятнымъ народу. И исторія устами ученика св. братьевъ — Черноρίζца Храбра свидѣтельствуетъ, что „прежде Славяне не имѣли книгъ, но чертами и нарѣзами считали и гадали, будучи язычниками. Крестившись, они по нуждѣ изображали римскими и греческими письменами славянскую рѣчь, безъ устроенія, и такъ они пробыли много лѣтъ. Потомъ же человеколюбецъ Богъ, устраивающій все и не оставляющій рода человеческого безъ разума, но всѣхъ къ разуму приводящій и ко спасенію, помиловавъ народъ Славянскій, послалъ ему св. Константина философа, именуемаго Кирилломъ, мужа праведнаго и любящаго истину, и онъ“ съ братомъ своимъ Меодіемъ „сотворилъ Славянамъ письмена“¹⁾ Это значитъ, что св. братья изобрѣли славянскую азбуку. Затѣмъ исторія же свидѣтельствуетъ, что они, начавъ съ Евангелія и Апостола, мало по малу перевели на славянскій языкъ священныя и богослужебныя книги и, путемъ продолжительной упорной борьбы съ римскими притязаніями отстоявъ для славянъ право совершать богослуженіе на родномъ языкѣ, учредили отправленіе его по славянски. Большая часть этихъ трудовъ выпала на долю св. Меодія. И въ этомъ его вторая и также безпримѣрная заслуга.

Чтобы понять значеніе этой заслуги слѣдуетъ обратить вниманіе на значеніе языка въ христіанской религіи. Христіанство есть религія по преимуществу духовная. Поэтому высокія ея истины не могутъ быть постигаемы при посредствѣ какихъ-либо фетишей или фантастически-туманныхъ, хотя-бы и прекрасныхъ воплощеній не менѣе фантастиче-

1) Гильферд С. соч. т. I, стр. 47.

скихъ и туманныхъ образовъ, какъ въ язычествѣ. Высокія истины христіанскаго вѣроученія и нравоученія требуютъ болѣе или менѣе сознательнаго воспріятія и усвоенія ихъ сердцемъ и умомъ при посредствѣ вѣры. Но что въ состояніи возбудить въ человѣкѣ возвышенныя движенія сердца и при пособіи какихъ средствъ можетъ воспринимать умъ человѣка подаваемая ему извнѣ знанія кромѣ того могучаго орудія его духовной дѣятельности, какимъ является его языкъ; какое самое великое назначеніе котораго есть служеніе уму и сердцу? Такимъ образомъ самое принятіе христіанства и усвоеніе его сущности человѣкомъ возможны только тогда, когда оно сообщается на языкѣ, смыслъ коего понятенъ народу и съ формами котораго оно въосвоился и сжился.

Далѣе, какъ религія духа, христіанство требуетъ служенія Богу въ духѣ и истинѣ, каковымъ и является православное христіанское богослуженіе. Но что представляетъ собою это богослуженіе? Оно „представляетъ собою совокупность дѣйствій и символовъ, въ которыхъ отражается и закрѣпляется союзъ Бога съ человѣкомъ, союзъ не вынужденный, но добровольный; чрезъ посредство этихъ дѣйствій и символовъ сообщается человѣку благодать Божія, дарованная въ актѣ искупленія, предлагаются истины вѣры и нравственности, существенно необходимы для каждаго христіанина; со стороны человѣка въ богослуженіи прежде и нагляднѣе всего выражается вѣра, надежда и любовь, возносится молитва славословія, благодаренія и прошенія, изливаются предъ Божественнымъ Утѣшителемъ и человѣчeskія скорби и страданія и проч.“¹⁾ Что же касается самыхъ молитвословій и пѣснопѣній, то въ нихъ заключается „весь кругъ понятій и образовъ, среди которыхъ обращается

¹⁾ Стран. стр. 606.

мысль христіанина: здѣсь ясно выражены всѣ главнѣйшія черты догматическаго ученія, изложены во всей полнотѣ основы христіанской нравственности; въ ясныхъ конкретныхъ образахъ Вѣтхаго и Новаго Завѣта представлены идеалы добродѣтели; и голосъ Самого Бога законоположника и промыслителя, и исторія съ ея глубокознаменательнымъ смысломъ и вѣщная природа—все здѣсь вызываетъ христіанина на работу мысли, возноситъ умъ его горѣ и располагаетъ къ дѣятельной христіанской жизни“¹⁾). И всякій вѣрующій призывается къ этой работѣ мысли и, вознося свой умъ и сердце горѣ, приглашается, такъ сказать, сливать свой голосъ съ общимъ голосомъ Церкви. Но какъ онъ можетъ сдѣлать это, если голосъ Церкви для него чуждъ, если онъ не понимаетъ, чего желаетъ Церковь и съ какими мольбами обращается она къ Отцу свѣтовъ? Онъ можетъ слить свой голосъ съ общимъ голосомъ Церкви только тогда, когда этотъ послѣдній будетъ для него не страннымъ вѣщаніемъ языка чуждаго, а теплымъ, затрогивающимъ всѣ струны души словомъ любящей матери, привычнымъ гласомъ торжества зовущей своихъ дѣтей принять участіе въ общей радости, или полнымъ печали, но знакомымъ голосомъ страданія приглашающей единодушно раздѣлить общую скорбь. Только въ этомъ случаѣ богослуженіе можетъ соотвѣтствовать своему назначенію и быть средствомъ разумнаго служенія Богу, а не простой, не имѣющей смысла совокупностію механическихъ дѣйствій и обрядовъ. Великая честь устроенія такого разумнаго служенія Богу между славянами и честь перевода на славянскій языкъ Св. Писанія и богослужебныхъ книгъ, благодаря которому славянамъ открывались во всей полнотѣ основныя начала высшаго знанія, и принадлежитъ болѣе всего св. Меѳодію, при-

¹⁾ Ibid. стр. 610.

давая тѣмъ чрезвычайно важное значеніе его апостольской дѣятельности.

Не даромъ, поэтому, церковныя пѣсногвѣнія говорятъ, что „письмень славянскихъ изобрѣтеніемъ“ отверзлась для насъ, славянъ, доселѣ бывшая затворенною, дверь, „въ нюже входяще таинство благовѣстія Христова уразумѣваемъ“ и, среди другихъ восторженныхъ похвалъ славянскимъ первоучителямъ, называютъ ихъ „богомудрыми учителями словенскихъ странъ, единоправными апостоламъ, просвѣтителями, источившими намъ своими преложеніями Божественныхъ писаний источникъ Богопознанія, звѣздами, возсіявшими своими лучами отъ востока до запада, съвера и юга“¹⁾. Не даромъ и нашъ древній лѣтописецъ, упоминая объ этой великой заслугѣ св. первоучителей, говоритъ: „и ради быша Словѣни, яко слышаша величья Божія своимъ языкомъ“²⁾.

Но значеніе просвѣтительной дѣятельности св. Меѳодія не ограничивается тѣмъ, что, благодаря этой дѣятельности, славяне получили переводъ Св. Писанія и богослужебныхъ книгъ и услышали богослуженіе на родномъ языкѣ. Это значеніе простирается гораздо дальше, такъ какъ послѣ этого славяне вмѣстѣ съ грамотностію получили искусство письма, удачно приноровленнаго къ выраженію славянской рѣчи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и навсегда приобрѣли могущественное орудіе умственнаго развитія и духовнаго роста.

Въ самомъ дѣлѣ, не подлежитъ никакому сомнѣнію то, что какъ въ жизни отдѣльнаго человѣка, такъ и въ жизни цѣлыхъ народовъ слово или языкъ не представляетъ какого-либо случайнаго, посторонняго и потому неважнаго только средства передачи внутренняго, духовнаго содержанія во внѣшней матеріальной формѣ. Не говоря уже про собствен-

1) Ср. Стран. стр. 601.

2) Лейбовича. Сводная лѣтопись. Вып. I. СПб. 1876 г. стр. 24.

ный опыт, въ ученіи современныхъ намъ психологовъ и физиологовъ (Лацаруса, Штейнталя и др.) встрѣчаются указанія на то, что слово или языкъ является самымъ существеннымъ и самымъ могущественнымъ средствомъ воспитанія и духовнаго развитія человѣчества. Ибо „для каждаго человѣка въ процессѣ усвоенія имъ языка, на которомъ говорятъ его отецъ и мать, всякое принятое и усвоенное слово есть не только доля того духовнаго наслѣдія, которое онъ отъ нихъ пріемлетъ, но и нѣчто устанавливающее и опредѣляющее складъ его душевной жизни, характеръ и направленіе ея, вліяющее даже на его природныя способности, ихъ силу и интенсивность, такъ какъ не просто запоминаніемъ звуковыхъ сочетаній (образующихъ слова), а путемъ медленной и сложной работы мысли надъ тѣмъ, что выражается словомъ—сравненій, сопоставленій, отвлеченій и т. д.—мы научаемся говорить: ребенокъ, прежде чѣмъ звуки па-па и ма-ма въ состояніи отнести къ опредѣленнымъ лицамъ, переживаетъ длинный, правда, зачаточный, но сложный процессъ душевнаго развитія, когда, наконецъ, у него сформируется понятіе и звуки эти неразрывно сольются съ нимъ“¹⁾. А если такъ, то несомнѣнно, что и грамотность вмѣстѣ съ искусствомъ письма національнаго имѣетъ для народа значеніе могущественнаго средства и вмѣстѣ необходимаго, хотя и внѣшняго условія для перехода на высшую ступень духовнаго развитія, съ которой только и открывается для него путь къ безконечному развитію и усовершенствованію. „И если бы“, замѣчаетъ одинъ изслѣдователь, „подвигъ Меѳодія ограничивался одной этой педагогической дѣятельностію, то и тогда заслуга его была-бы безсмертна въ исторіи славянъ. Но подвигъ Меѳодія выше: Меѳодій создалъ цѣлую обширную письменность, живущую

¹⁾ Стран. стр. 658.

и понынь въ славянской православной Церкви, создалъ литературный языкъ, который по времени первый въ Европѣ, съ изяществомъ и точностію передаетъ самыя глубокія и возвышенныя мысли христіанскаго ученія: славянскій переводъ Свящ. Писанія, какъ онъ вышелъ изъ подъ пера Меѳодія, художественно образцовый, ибо онъ близокъ къ своему греческому оригиналу, и въ тоже время свободный, благородный. Конечно, такой переводъ отъ разу явиться не могъ; но на медленной, продолжительной выработкѣ его, съ тщательными сличеніями, выправками, выработывался самый литературный языкъ“¹⁾.

При этомъ не слѣдуетъ забывать, что это было въ то время, когда на западѣ только что начинали подниматься интересы литературы и науки, что это было время отдаленной отъ насъ сѣдой старины. И однако посмотрите, что дѣлается въ это время между славянами. „Сотрудники первоучителей, извѣстные подъ названіемъ седмичисленниковъ, изъ коихъ особенно Климентъ, архіепископъ Болгарскій или Великій, ученикъ Меѳодія, Константинъ епископъ Болгарскій или Преславскій, Григорій священникъ, Іоаннъ, Экзархъ Болгарскій, Теодоръ Дуксъ, Черноризецъ Храбръ и во главѣ ихъ самъ князь Симеонъ“²⁾ неутомимо продолжаютъ дѣло, начатое св. братьями, и у Славянъ создается національная письменность. Не смотря на усилія враговъ православія-латинянъ — приостановить дѣло, съ успѣхомъ начатое первоучителями, „являются въ славянскомъ переводѣ назидательныя слова отцовъ церкви, біографіи знаменитыхъ подвижниковъ и дѣятелей христіанства, нравственно-философскіе сборники, сборники церковнаго права“³⁾, и славяне (собственно болгары), спустя не болѣе 70 лѣтъ послѣ на-

¹⁾ Истор. Вѣстн. стр. 612—613.

²⁾ Шевыревъ. Истор. рус. слов. ч. I. Москва. 1859 г. стр. 176—177.

³⁾ Истор. Вѣстн. стр. 613.

чала своей письменности, имѣють на своемъ языкѣ лучшія произведенія греческаго ума по всѣмъ почти отраслямъ знаній. Благодаря же этому распространенію полезныхъ книгъ на родномъ языкѣ, полагается начало народному образованію, которое идетъ успѣшно и въ духѣ просвѣтителѣй. Находятся даже между ревнителями народнаго образованія и такіе, которые стараются упростить книжную мудрость и сдѣлать ее доступною для пониманія народнаго. Такъ Климентъ, ученикъ и ревностный сподвижникъ святаго Меодія, неутомимый въ трудѣ обученія дѣтей, составляетъ широкій кругъ поученій, приспособленныхъ къ пониманію народа, а „книголюбивый“ царь Болгарскій Симеонъ въ „среди заботъ государственнаго управленія и военныхъ тревогъ“ подѣляется изъ громаднхъ трудовъ Златоуста сборникъ избранныхъ сочиненій въ славянскомъ переводѣ (такъ называемый „Златоструй“), — сборникъ, который особенно полюбился Болгарскому, а потомъ и Русскому народу“¹⁾.

Правда, на первыхъ порахъ трудится въ этомъ отношеніи главнымъ образомъ Болгарія, но изъ нея церковныя и поучительныя сочиненія распространяются во множествѣ списковъ по всѣмъ славянскимъ землямъ, какъ безцѣнное и, что всего важнѣе, всякому доступное сокровище. И это обстоятельство получаетъ свою особенную важность. Служа средствомъ къ утверженію истинъ христіанской вѣры и нравственности въ духѣ строгаго, для всѣхъ одинаковаго православія, эти книги, написанныя на понятномъ для всѣхъ славянъ церковномъ языкѣ, при племенномъ единствѣ славянъ являются могущественнымъ орудіемъ и нравственнаго объединенія ихъ между собою. Церковный языкъ постоянно и живо напоминаетъ имъ, что они родные братья, члены одной великой семьи. Сохранивъ этотъ языкъ, Славяне со-

¹⁾ Гильфердингъ стр. 98.

бюди и свои преданія и свою народность. Сохранивъ вмѣстѣ съ нимъ и самобытную христіанскую мысль св. Кирилла и Меѳодія, тѣ Славяне, которые признають ее,—сохранили чрезъ вѣка борьбы и испытаній всю свою духовную силу, а тѣ, которые ее отвергли,—посмотрите, какъ они теперь безсильны, и какъ, теперь очнувшись, опять ее ищутъ ¹⁾! Вотъ почему думается, что вполне правъ тотъ почтенный изслѣдователь славянской исторіи, который, касаясь вопроса о означеніи св. Кирилла и Меѳодія въ современности, говоритъ: „на порогѣ исторической жизни Славянскаго племени эти люди стоятъ провозвѣстниками его духовнаго единенія: такъ точно въ иныхъ легендахъ мы читаемъ, что младенца озаряетъ символическое, пророческое видѣніе того, чѣмъ онъ долженъ быть въ возрастѣ зрѣлаго мужа. Вотъ этотъ-то пророческій символическій характеръ даетъ св. Кириллу и Меѳодію такое современное значеніе въ Славянскомъ мірѣ. И для южныхъ, и для западныхъ Славянъ они болѣе чѣмъ историческіе дѣятели; они также знамя славянскаго самосознанія и единенія“ ²⁾. Ибо, что значить вся, такъ называемая, теорія панславизма и то недовольство на настоящее устройство австрійскаго правленія, слухи о которомъ время отъ времени проникають и въ нашу печать? Не мятежничество это,—нѣтъ: Славяне, можетъ быть, лучше другихъ понимаютъ силу и значеніе законной власти и считаютъ для себя священнымъ долгомъ повиноваться ей, какъ Божію учрежденію. Они хотять только быть славянами,—учениками великихъ незабвенныхъ просвѣтителей своихъ св. Кирилла и Меѳодія.

Такова въ общихъ чертахъ сущность того великаго дѣла, которое приняли на себя св. братья и надъ которымъ бо-

¹⁾ Ср. Гильфердинга, стр. 48.

²⁾ Гильфердингъ, Стр. 333.

дѣ всего потрудиться выпало на долю св. Меодія, и таково значеніе его просвѣтительной дѣятельности для всего великаго славянскаго міра. Что-же сказать про насъ—русскихъ?

(Окончаніе слѣдуетъ).

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Голосъ народа о церковно-приходскихъ школахъ. Не смотря на всѣ старанія и усилія такъ называемаго либеральнаго лагеря періодической печати подорвать значеніе и кредитъ церковно-приходскаго школьнаго дѣла въ сознаніи русскаго общества, дѣло церковно-приходскихъ школъ постепенно крѣпнеть и развивается. Яркими, исключаящими всякое сомнѣніе, фактами церковно-приходская школа ежедневно доказываетъ своимъ врагамъ свое законное и несомнѣнное право на русское гражданство, свое кровное, историческое средство съ русскою народною жизнію. Возникають школы тамъ, гдѣ о нихъ не было и помину; новые труженики и святители ежедневно восходятъ на ниву Божию и несутъ свѣтъ и любовь Христову всѣмъ чающимъ ихъ. Молва о новыхъ церковно-приходскихъ школахъ успѣла проникнуть въ послѣднее время и въ бѣдную, темную хижину русскаго крестьянина. Сильно встрепенулось и забилося простое русское сердце при этой вѣсти! Глубокая благодарность и признательность къ тѣмъ, кому принадлежитъ мысль объ организаціи народной школы, засвѣтились въ очахъ русскаго простолюдина. Наконецъ то ему даютъ не „нѣмецкую“, не „заграничную“, а родную, русскую школу, въ стѣнахъ которой онъ всегда находилъ, находить и будетъ находить удовлетвореніе всѣмъ своимъ бытовымъ и релігіознымъ запросамъ. Яркой, нетребующей никакихъ поясненій, иллюстраціей народныхъ симпатій къ ново-открывающимся шко-

ламъ служить адресъ, поднесенный отъ крестьянъ 11 губерній, 14 ноября минувшаго 1884 года, г. Оберъ-Прокурору Св. Синода К. П. Побѣдоносцеву. „Ваше превосходительство, говорится въ адресѣ, мы, нижеподписавшіеся, простые русскіе люди разныхъ губерній, сель и деревень, крестьяне—мужички, отъ всей искренности русской души чтимъ Васъ за Вашу не поколебимую приверженность къ нашей родимой православной церковности, за Ваше вниманіе къ истиннымъ нуждамъ народа, за Ваше участіе въ скорбяхъ его. Открылась же намъ Ваша родственность съ народомъ въ двухъ великихъ Вашихъ заслугахъ, которыхъ не забудеть народъ; во первыхъ, Вы помогаете намъ церкви открывать, это наше сокровище, и сокращеніе церковныхъ причтовъ восполнить. О, какъ это намъ любо и радостно! Другая заслуга превосходнѣйшая: Вы намъ исходатайствовали церковно-приходскія школы. Чрезъ эти школы, уповаемъ мы, наши отцы духовные принесутъ къ намъ свв. равноапостольныхъ нашихъ Кирилла и Меодія съ ихъ живоносною, святою, божественной силы исполненною грамотою церковно-славянскою. Наши дѣти выучатся читать *Часовникъ и Псалтырь*, и всякая душеспасительная книга откроется имъ. Новые люди зародятся въ городѣ; старая отеческая набожность, погибающая теперь, возникнетъ опять у насъ; древніи добродѣтели оживутъ; духъ правый обновится въ утробахъ русскихъ; духовная сила въ народѣ пребывать будетъ. Черезъ эту грамоту церковь воспріиметъ удобность стать ближе къ народу со своею благодатію. Всего этого мы ожидаемъ отъ святой церковно-славянской грамоты и только отъ нея одной. Пусть будетъ она главною наукою у нашего народа. И того только человѣка народъ нашъ назоветъ своимъ благодѣтелемъ вѣчнымъ, назоветъ истинно—мудрымъ государственнымъ мужемъ, кто утвердитъ и упрочитъ ему на вѣки эту науку. Вамъ Господь открылъ тайну этой мудрости, и народъ не парадуется на Васъ, родимый нашъ! Вотъ это самое мы и хотѣли сказать Вамъ отъ

полноты русской души. О, дайте, дайте намъ церковно-славянскую грамоту! Это ключъ нашего спасенія. Мы молимъ Бога, чтобы утвердилась въ народѣ эта святая грамота. Только тогда народъ нашъ будетъ и уменъ и сытъ и здоровъ духомъ и тѣломъ и силенъ и счастливъ. А если церковная грамота будетъ оставаться въ такомъ же пренебрежительномъ положеніи, какъ теперь, то никакія школы намъ не помогутъ“. Не менѣе интересно также письмо, адресованное обывателями Павловскаго посада Московской губерніи на имя почтеннаго издателя газеты „Русь“ И. С. Аксакова и покрытое болѣе, чѣмъ 500 подписей. Жители посада, какъ видно изъ письма, уже имѣютъ у себя церковно-приходскую школу. И школа эта до того проста, что даже учителями церковно-славянской грамоты въ мужскомъ отдѣленіи опредѣлены и формально г. инспекторомъ народныхъ училищъ утверждены простые, ненаучившіеся въ школахъ мужички. „Мы, говорится въ письмѣ, всѣ ихъ (мужичковъ) хорошо знаемъ, они—люди добронравные, богобоязненные и искренно преданные православной церкви (а это самое важное); они всегда сами читаютъ и поютъ въ церкви, читаютъ по удареніямъ, четко и толково, чему учатся у нихъ, и съ успѣхомъ, и наши мальчики. Воистину въ церковномъ чтеніи этихъ простыхъ, разумныхъ людей слышится намъ святое, до глубины души трогаяще насъ, вѣщаніе святыхъ Богопроповѣдниковъ Славянскихъ равноапостоловъ Кирилла и Меодія. И уже нѣкоторые изъ дѣтей нашихъ хорошо выучились у нихъ читать *Часовникъ и Псалтырь*, такъ что за церковною службою во храмѣ преподобнаго Василия исповѣдника (при посадскомъ кладбищѣ) имъ даютъ читать шестопсалміе, каѳизмы и часы. Можете понять, съ какимъ утѣшеніемъ, съ какою радостію мы слушаемъ внятное чтеніе нашихъ непорочныхъ малютокъ, какъ оно всѣхъ насъ умиляетъ и какъ располагаетъ всякаго къ молитвѣ! Ужъ вотъ подлинно въ глазахъ у насъ исполняется сказанное Господомъ о дѣтяхъ еврей-

скихъ: *изъ устъ младенцевъ и сущицъ совершилъ еси хвалу* (Мѡ. XXI, 16 и Псал. VIII, 3)". Далѣе, въ похвалу церковно-приходскихъ школъ говорится въ письмѣ: „Мы отъ своего собственнаго опыта, ибо сами вкушаемъ сладкій плодъ церковнаго ученія, считаемъ себя обязанными свидѣтельствовать предъ всею русскою братіею нашею, какъ любо душѣ православной и какъ драгоценно, какъ благотворно церковно-приходское училище. — какой источникъ духовнаго утѣшенія открываетъ оно намъ и дѣтямъ нашимъ—и Богъ дастъ, мы твердо вѣримъ, оно поддержитъ въ дѣтскихъ душахъ благочестіе и страху Божию будетъ учить ихъ. Премудро усмотрѣвъ отецъ нашъ—Царь православный—глубочайшую тайну помысловъ и чаяній своего народа и по внушенію Господню повелѣлъ для дѣтей учреждать церковныя школы. Итакъ, да исполняется благотворное велѣніе Царево! Ко брѣгу отечества да умножаются въ землѣ нашей церковно-приходскія школы, съ непремѣннымъ, согласно мудрому наставленію церкви въ предисловіи *Часослова*, обязательнымъ преподаваніемъ *прежде всего* церковно-славянскаго азбуки. Пусть дѣти наши тверде всего выучиваются *Часослову и Псалтыри*, а изъ нихъ святымъ заповѣдямъ вѣры Христовой, пусть съ дѣтства навикаютъ ихъ знать, чтить и исполнять. Вотъ что должна дать народу та школа, куда онъ долженъ посылать дѣтей своихъ. Для всѣхъ народной школы въ этомъ должна состоять задача“. Затѣмъ въ письмѣ говорится, что крестьянину не нужно много знать, для него достаточно, если онъ будетъ умѣть читать церковно-славянскую грамоту и писать. „Пусть же, говорится въ заключеніи письма, святая грамота будетъ главною наукою у нашего народа. Это ученіе немудреное, но здоровое для Россіи. Оно приблизитъ дѣтей къ церкви, а у насъ вся сила—въ церкви. Всѣ основы семейнаго порядка и общественнаго устройства въ ней хранятся непоколебимо: еще такой непоколебимости нигдѣ и ни въ чемъ нѣтъ. Святая церковно-славянская грамота есть ключъ

нашего спасенія и основаніе нашего земнаго благоденствія. Она говоритъ только о Богѣ, о вѣчности Церкви, таинствахъ, о святыхъ угодникахъ Божіихъ, о преданности церкви Божіей, о благоговѣніи къ Царю—Самодержцу, о почитаніи родителей, о послушаніи начальству, о святомъ братолюбіи, о мирѣ и согласіи въ семействѣ, о боголюбивой нераздѣльности семьи, по слову Божію: *се что добро или что красно, по еже жити братіи окупъ* (Псал. 132, 1); о святости брака и брачной жизни, о высотѣ чистаго дѣвства, о трезвости и цѣломудріи, о трудолюбіи и объ обузданіи языка отъ срамословія и бранныхъ словъ, о неосужденіи ближнихъ, о милосердіи и состраданіи къ бѣднымъ, о спасительномъ смиреніи, безъ котораго невозможно спастися, и о добродѣтельной жизни“.

Такъ говоритъ, разсуждаетъ, такъ мыслить *самъ народъ*, а *гласъ народа—гласъ Божій....*

(См. Еп. Вѣд.)

Редакторъ, преподаватель Семинаріи Ив. Ушацкій.

СОДЕРЖАНІЕ: I. Празднованіе въ г. Екатеринославѣ дня тысячелѣтія блаженной кончины св. Меодія, архіепископа Моравскаго, первоучителя Славянъ.—II. Значеніе просвѣтительной дѣятельности св. равноапостольнаго Меодія, первоучителя славянскаго—III. Разныя извѣстія и замѣтки.

Дозволено цензурою. Екатеринославъ, 15 апрѣля 1885 г. Цензоръ, протоіерей
Петръ Натрановъ.

№ 7 Епарх. Вѣд. сданъ на почту 4-го апрѣля. Печ. въ Тип. Н.Я. Крайбистаго

